

Фотографии: ОВД-Инфо <Обновлено 24.01.2024: мы заменили те снимки, по которым можно идентифицировать протестующих>

19.01.2024, 18:40 Башкортостан

РЕПОРТАЖ

Протест «черного люда»: репортаж о противостоянии в башкирском Баймаке

17 января Баймакский районный суд приговорил башкирского активиста Фаиля Алсынова к четырем годам колонии по статье о «возбуждении ненависти» (282 УК РФ). Поводом стала его речь на протестном сходе жителей деревни Ишмурзино, где он употребил выражение «кара халык» (тюрк. «черный люд, чернь»). Уголовное дело возбудили после заявления главы Башкортостана Радия Хабирова. Алсынов утверждает, что его слова неверно перевели с башкирского. На финальное заседание суда поддержать активиста

**приехали тысячи жителей республики.
Рассказываем, какими события того дня
увидела корреспондентка ОВД-Инфо,
побывавшая в Баймаке.**

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Баш Кортса у Кырға

English version

**имена некоторых героев изменены в целях
их безопасности*

Баймак — городок в Башкортостане, окруженный уральскими холмами. Его населяют коренные башкиры. Люди разводят лошадей и коров, занимаются пчеловодством. В Баймаке нет высотных домов, а к зданию суда ведет извилистая дорога. По ней, несмотря на мороз, к суду стекаются мужчины и женщины, пожилые люди и молодые ребята. Проезды к суду перекрыты полицией, наперерез толпе выезжает трактор. Люди паркуют автомобили, продолжая путь пешком.

С раннего утра по всей республике перебои с интернетом, а в самом Баймаке нет ни интернета, ни мобильной связи. У суда за час до заседания появляется автобус со спецназом — росгвардейцы в касках сидят внутри, двое дежурят рядом. Заседание назначено на 9:30.

Такси вызвать невозможно, не работает ни один сотовый оператор. Ловим машину у обочины и вскоре садимся в серую иномарку Мурата — он местный, из Баймака.

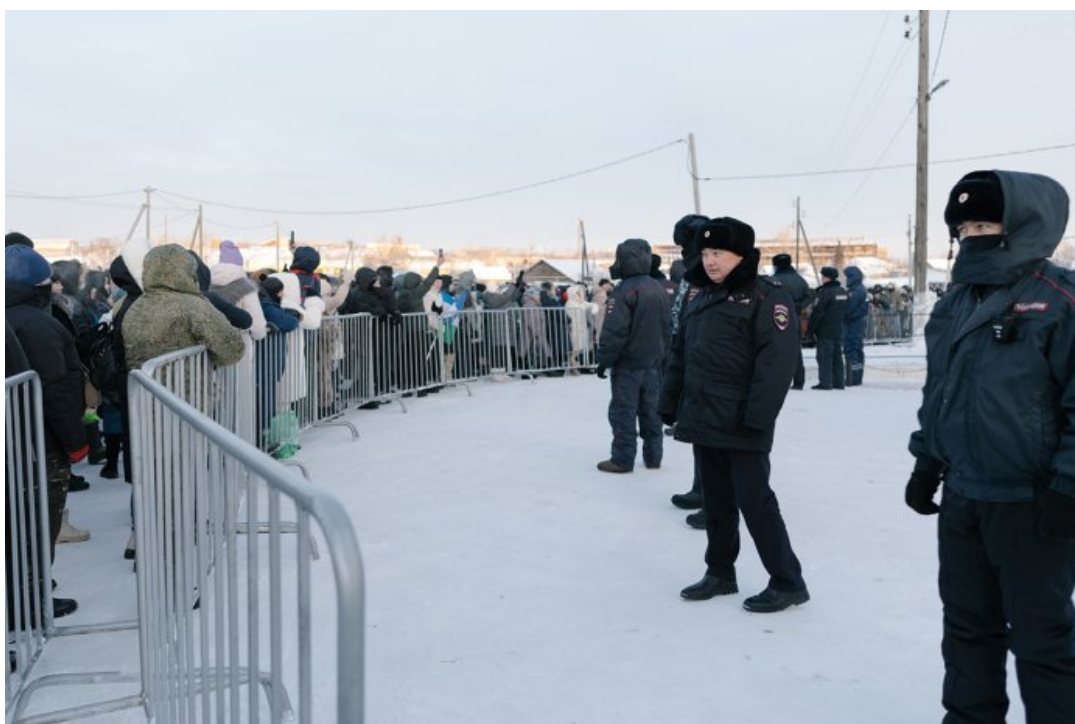
«Там дорога закрыта, говорят, ОМОН уже все перекрыл. Я — в объезд, — говорит Мурат. — Мы Фаиля знаем и поддерживаем. Он за башкирские земли, людям помогает. Думаю, глава республики ему за Куштау мстит. Фаиль по деревням ездил, запрещал продавать самогон и водку — молодежи же в деревнях не остается, а кто остался — бухает. У нас **хотели** башкирский язык в школах запретить, а он поднял людей, и язык в школах остался. Мои дети должны были учиться на русском языке, а сейчас учатся на башкирском».

Языковой вопрос в Башкортостане воспринимается болезненно. **По словам** Айгуль Атановой,

заместительницы председателя Республиканской комиссии родителей при Всемирном Курултае башкир, при изучении языка в школах и садиках у детей возникают проблемы. Например, чтобы открыть группы с обучением на башкирском языке в детском саду родители должны взять на себя организацию образовательного процесса и обеспечить группу книгами на башкирском языке. Их, как утверждает эксперт, тяжело найти где-то, кроме Уфы.

Возможно, поэтому люди особенно обращают внимание на речь Алсынова, ставшую поводом для преследования: он говорит с народом на башкирском.

Мурат рассказывает, что 15 января, в день первого протеста, у здания суда не было свободного места от количества машин. Сегодня так же. За час до заседания пришли уже сотни людей. Они скандируют на башкирском и русском: «Азатлык!» — «Свободу!»

<Обновлено 24.01.2024: мы заменили те снимки, по которым можно идентифицировать протестующих>

«Мы специально приехали из Уфы, ночью ехали, — говорит мужчина, который представляется Азатом. — Фаиль

Алчинов борется, чтобы у нас были чистота и порядок в республике. Ничего экстремистского он не говорит, просто его слова перевели на русский язык в искаженном виде и получилось, будто он один народ унизил. Мы просто пришли поддержать своего земляка. Пишут, мол, „укронацисты“ это устраивают — неправда. Здесь у каждого хотя бы один знакомый на фронте».

Азат говорит, что у него на войну с Украиной добровольцем ушел родной брат — из-за денег. Его батальон записал видео в поддержку Фаиля. Решение брата идти воевать Азат не одобряет: «Я его отговаривал и сам туда не хочу. Они неделю в болоте сидели. Смысл там сидеть и мерзнуть? Брат мне сказал, там нечего ловить».

Многие из тех, с кем нам удастся поговорить, тоже рассказывают, что их близкие пошли на фронт от безысходности: в республике не хватает рабочих мест.

«У меня трое сыновей, они никуда не могут уехать, им здесь жить, — говорит Гульназ. Ей 52, она всю жизнь прожила в башкирской деревне. — Многие идут на войну и там погибают. Первое время уезжали, потому что мобилизовали, сейчас им деньги платят — у нас же безработица. Кто-то идет родину защищать. От кого?»

«Я из поселка Целинный Абзелиловского района, — говорит Загир, мужчина лет сорока в черном пуховике и толстых резиновых сапогах. — Есть ребята, которые приехали с „СВО“, они тоже здесь. Конечно, Фаиль был против „СВО“. Из моего поселка ушло очень много людей, есть ребята, которые погибли, и их до сих пор не могут вытащить с поля боя. Пошли из-за жизненных обстоятельств — кому-то нужна работа, кто-то — чтобы выйти из тюрьмы. Вот вам как кажется, это правильно? Я думаю, что нет. Потому что это истребление нашего народа. Я даже не знаю, за что и за кого они могут там воевать».

Один из лидеров запрещенной в РФ организации «Башкорт» и соратник Фаиля Руслан Габбасов регулярно писал, что война с Украиной — «не наша война»: «Украинцы нам ничего плохого не делали, а империя всегда нас давила. Почему мы сейчас должны за них воевать?» — **говорил** он в одном из интервью. Такой же позиции придерживаются телеграм-каналы, связанные с башкирскими националистами.

Сам Алсынов **опубликовал** антивоенный пост. По его словам, «сейчас не время стоять с оружием в руках». Он писал, что российская пропаганда рассказывает, как в Украине «русскому языку не учат», при этом в Башкортостане молодые люди «идут на войну, забыв, что в республике запрещен башкортостанский язык».

Мы рассказываем про политические преследования, потому что верим, что информация защищает. Поддержите ОВД-Инфо, чтобы никто не оставался один на один с системой.

Поддержать с российской карты

Поддержать с иностранной карты

«МЫ НЕ МОЖЕМ УЕХАТЬ, НАШ ДОМ ЗДЕСЬ»

Местные власти подготовились к резонансному суду: накануне в разных частях республики задерживали активистов, которые организовывали протесты за сохранение шихана Куштау. СМИ **передавали**, что сотрудники ФСБ пришли за Ильнаром Галиным и Юлаем Аралбаевым, а полицейские задержали Рафаила Абдрахманова. К Ильдару Юмагулову в Баймаке пытались попасть силовики — в квартире активиста **отключали** электричество. После того как к его дому пришла группа поддержки, те ушли, и электричество вернулось. Самого Фаиля Алсынова 16 января **внесли** в перечень экстремистов и террористов.

В окружении толпы у здания суда сидит мужчина в инвалидном кресле. Женщина заботливо укутывает его ноги клетчатым одеялом. К ним подходят люди и здороваются с мужчиной, обнимают. Мужчину зовут Ильсур Ирназаров — это **известный** в республике экоактивист. Минувшим летом Баймакский районный суд оштрафовал его на 10 тысяч рублей из-за народного схода в селе Темясово с обсуждением строительства карьеров. Сегодня в Баймаке судят его товарища.

«Я Фаиль знаю лично, — говорит он. — Он еще студентом 20 лет назад пришел знакомиться со мной. С тех пор мы с ним все время рука об руку, — Ильсур часто прерывается, чтобы обняться с кем-то и кивнуть „салам алейкум“, — ни одно мероприятие в республике не обходилось без него и не вызывало у правоохранителей никаких претензий, потому что все проходило спокойно. Даже сейчас тут люди из разных социальных слоев, разных возрастов и все ведут себя культурно. Вот это и есть гражданское общество».

«Все началось 28 апреля, — продолжает Ильсур, — в деревне Ишмурзино [Баймакского района республики] собрались местные жители, которых возмущало, что золотодобытчики („Евразийская горнопромышленная компания“ — *ОВД-Инфо*) собираются рыть около них новый карьер и добывать золото на горном хребте Ирандык. Фаиль на этом сходе выступил и сказал, что „армяне уедут в свою страну, русские уедут в Рязань, татары уедут в Татарстан, кара халык уедет к себе. А мы не можем уехать, наш дом здесь“. Вот из-за слова „кара халык“ на него и завели [уголовное] дело».

Тогда жители Ишмурзино добились своего: в конце мая «Евразийская горнопромышленная компания» отказалась от разработки месторождений, **назвав** причинами «результаты работы республиканской межведомственной комиссии по предупреждению правонарушений в сфере недропользования».

«Башкирское Зауралье» — регион Башкортостана, куда входит и Баймакский район, — изобилует природными ресурсами, которые добывают крупные российские компании. Серьезные экологические **проблемы** из-за разработок месторождений беспокоят жителей республики, которые регулярно устраивают из-за этого народные сходы.

Образовательный проект «Татарская энциклопедия» **сообщает**, что буквальный перевод «кара халык» — «чернь, черный люд» (тюрк.). Так называли феодально-зависимое население Золотой Орды в XIII–XVI веках, которое состояло, в основном, из сельских общинников, ремесленников и мелких торговцев. Подготовивший «академический перевод» речи Алсынова специалист Айнур Хужахметов перевел фразу как «черный народ» и указал, что «значение словосочетания соответствует значению слов „хачи“, „чурки“, „черномазые“», **писало** издание Idel.Реалии. Перевод Хужахметова приложен к уголовному делу.

Заявление на Алсынова **написал** глава Башкирии Радий Хабиров. Он назвал Фаиля «лидером протестного движения» и потребовал привлечь его к ответственности за «экстремистскую деятельность» и «дискредитацию» армии РФ. Дело возбудили, у активиста и его родителей прошли обыски. Позже Алсынов, обратившись к Хабирову, настаивал, что эксперты неверно перевели его слова с башкирского и, говоря «кара халык», он упоминал «чернорабочих», а сам не имеет ничего против

«представителей других народов», если они «уважают наши обычаи и традиции».

15 января поддержать Алсынова пришло пять тысяч человек, люди скандировали: «Без — кара халык!» («Мы — простой народ!»)

«РОССИЙСКИЙ ФЛАГ ЕСТЬ, А БАШКИРСКИЙ ГДЕ?»

Люди у здания суда наливают друг другу чай, раздают домашние пирожки, кто-то стоит на собственных куртках, чтобы не мерзли ноги, женщины кутаются в платки и шали. На улице — минус двадцать шесть градусов.

«Тут люди с дальних районов, со всей Башкирии. И все добровольно, никто никого не заставляет. Он ведь ничего не украл, никого не избил, — говорит Гузель Маратовна из села Темясово, пожилая женщина в черном полушубке. — Он Куштау отстаивал для всей Башкирии, для наших детей и внуков».

Как **писало** издание «Верстка», Фаиль был участником и заместителем председателя национальной организации «Кук буре» («небесный волк» в переводе с башкирского, ее символ — волчья голова на фоне солнца — *ОВД-Инфо*). Руслан Габбасов, соратник Алсынова, в книге «Записки башкирского националиста» описывает идеологию «Кук буре» как «башкирский либеральный национализм» и **рассказывает**, что организация привлекала башкир, «не боящихся ездить на „стрелки, разборки“» с русскими националистами и жителями республик Кавказа, а также была популярна среди городской молодежи. «Кук буре» выступала за сохранение башкирского языка и в **защиту** шихана Торатау. На таких акциях, считает Габбасов, Алсынов «снискал славу среди башкирской общественности».

В 2014 году после раскола из-за внутренних разногласий («стали часто спорить друг с другом и ссориться по пустякам» — **пишет** Габбасов) и взаимных подозрений в «работе на чекистов» Алсынов вместе с Русланом Габбасовым ушли из «Кук буре» и создали более радикальную башкирскую национальную организацию «Башкорт»: ее активисты выступали за суверенитет республики и национализацию ресурсодобывающих предприятий, отстаивали использование башкирского языка и требовали, чтобы ключевые должности в правительстве республики занимали башкиры. «Башкорт», в отличие от «Кук буре», обращал свою деятельность к жителям деревень и сел.

Башкирские националисты сосредоточились на критике местных, а не федеральных властей. В 2020 году, после протестов на шихане Куштау, Верховный суд Башкортостана признал организацию «Башкорт» экстремистской.

«Нашу знаменитую содовую промышленность хотели отобрать, но у Хабирова не получилось — мы отстояли!

Нас, башкир, по одному хотят подавить, — эмоционально говорит Зарифа, женщина средних лет. — Вчера нам ватсап отключили, а сейчас — мобильную связь.

Мы не хотим свои богатства, свои земли отдавать каким-то чужеземцам. У нас половина мужиков едут работать на севера, а какие-то чужестранцы, армяне и другие народы, хотят открыть золотой прииск. Мы не знаем, что именно армяне, но так говорят в СМИ. Мы просто хотим, чтобы наши мужчины работали дома, были со своими детьми, чтобы наше богатство оставалось нашим потомкам. Нам тут жить».

Над судом развевается триколор, а у людей в толпе — флаги республики. Одни размахивают ими, другие просто стоят, укутавшись в полотнище. «Вот видите, российский флаг тут есть, а башкирский где?» — говорит кто-то, указывая на здание суда.

«БЕЗ БЕРГЭ! БЕЗ БЕРГЭ! БЕЗ БЕРГЭ!»

Полиция предупреждает людей об ответственности за участие в несанкционированном митинге, собравшиеся скандируют — их, кажется, примерно столько же, сколько и 15 января, то есть порядка пяти тысяч. Люди видят Алсынова, который заходит в здание суда, начинают свистеть и кричать слова поддержки.

По периметру суда выстраиваются с десятков силовиков. Они молча наблюдают и не вмешиваются. Сбоку стоят автобусы с омоновцами, поблескивают черные каски. Людей перед судом становится все больше и больше, некоторые приходят семьями.

В толпе стоит высоченный мужчина в башкирском национальном головном уборе. Он выглядит грозно. Длинная борода его замерзла, на ней висят капли.

«Я из города Салават. Пришел сюда за справедливость, чтобы наш народ не ущемляли, у нас тоже есть право слова. Как Фаиль может быть террористом? Он отстоял Куштау, поднял народ, молодец. Нас уже во всем притесняют, у башкир чиновники забрали все что можно, все ресурсы. Мы отстаиваем свое, хотим вернуть. Вообще, отсоединиться бы от России, остаться просто Башкортостаном — отдельной народной страной. Я об этом всегда мечтаю. У нас ребята ушли на войну без всяких там причин, зачем эта война нам нужна? За что мы должны своими мужчинами жертвовать?» — с этими словами он достает из кармана маленькую розовую электронную сигарету.

Некоторые в толпе уверены, что если бы происходящее «дошло до Путина», он бы разобрался в ситуации. «Ваша пресса Путину доходит? — спрашивает Айтуган. — Уж он решит этот вопрос, тут столько людей собралось! Не все же полностью докладывают ему. А к Хабирову тут

относятся очень плохо. Если бы относились хорошо, столько людей бы не пришло. Что он сделал за эти года? Он против себя яму копает».

«Без бергэ! Без бергэ! Без бергэ!» («Мы вместе!») — кричат люди и продолжают: «Нас будет больше!» Так и происходит — по разным оценкам, у здания суда до 10 тысяч человек.

«Второй Куштау. Это второй Куштау», — говорит проходящая мимо женщина в теплой шубе.

Из здания суда выходит человек с мегафоном. Он пытается что-то сказать, но ничего не слышно. Люди перекрикивают его, скандируя имя Фаиля. Вскоре становится известно, что судья Элина Тагирова приговорила Алсынова к четырем годам колонии общего режима. Это не четыре года в колонии-поселении, как запрашивал прокурор, — окончательный приговор вышел более суровым.

Алсынов **сказал** журналистам, что приговор стал для него неожиданностью и вину он не признает: «Всем огромное спасибо. Я этого никогда не забуду. Я всегда боролся за права своего народа, своей республики. Иншалла, еще увидимся».

📺 **YouTube Video: U9STlu9p4w4**

ОБРАЩЕНИЕ ФАИЛЯ АЛСЫНОВА*

люди. Некоторое время тысячи собравшихся и оцепление — их человек триста — просто молча стоят друг напротив друга.

«Мне звонила жена брата, он ей сказал [чтобы мне передала], мол, на рожон не лезь, — рассказывает Кадим из поселка Зилаир. — У меня брата забрали сегодня ночью в Уфе. Это друг Фаиля. Причем они просто по камерам вычислили, на трассе его остановили и забрали. Полтора года назад в 6 утра к нему домой приехали силовики, взломали двери и окна, в трусах его скрутили и забрали в отдел — из-за Куштау. В республике происходит пиздец, а глава прикрывает свою жопу, он последний человек здесь, любого спросите».

На крыльце вновь появляется мужчина с мегафоном и уговаривает людей разойтись. На него не реагируют. Вдруг атмосфера резко накаляется: спецназ стучит дубинками по щитам и движется на толпу. Люди кричат, воют сирены полицейских машин, в силовиков летят снежки. Кого-то хватают, ОМОН пытается расчистить дорогу, избивая людей дубинками, но никто не расходится.

Раздаются взрывы светошумовых гранат, над толпой то тут, то там возникают и быстро рассеиваются столбы дыма. Люди падают на землю, хватаются за глаза и трут лица снегом. Большинство не вмешивается в потасовку, но с разных сторон в силовиков летят кружки от термосов

и куски льда — те прикрываются щитами. Продолжаются задержания. Одного мужчину обступают, бьют дубинками, хватают за ноги и уносят. Толпа кричит «Хватит!», хорошо различим тонкий женский голос: «Рабы системы, рабы!»

Десятка два спецназовцев внезапно отбегают в сторону и, уронив щиты, начинают натирать глаза снегом, чихать и сморкаться под крики «Позор!» «Им, видать, либо обратно шашки закинули, либо ветер в их сторону пошел, и они сами задыхаются», — комментирует кто-то.

Возникает пауза, силовики прекращают оттеснять людей. Собравшиеся успокаивают друг друга и просят не провоцировать полицию. При этом людей становится все больше. Кричат «Долой Хабирова!» и «Позор Хабирову!». Проходит буквально десять минут — и снова раздаются взрывы, росгвардейцы пускают в ход дубинки.

У дороги дежурят несколько «скорых». Много пострадавших из-за газа — люди жалуются на боль в глазах, одному мужчине разбили голову. Из машины выбирается крепкий парень и прижимает к глазам ватные

диски. Вокруг глаз расходятся красные круги — ожоги.
К нему подбегают люди и помогают идти.

«Глаза не видят, мне газом попали, — объясняет парень.
— Но не расстраиваемся». Затем он громко вскрикивает:
«Аллаху акбар!»

«Около 20 человек обращались за помощью, —
рассказывает медсестра одной из бригад, — из-за газа.
Одного избили дубинками по голове — обрабатывали
раны. Еще самостоятельно в приемный покой
обращаются».

Срываясь на хриплый вопль, женщина из толпы протяжно
кричит силовикам, сначала — на башкирском, слов
не разобрать, потом переходит на русский: «Бестолковый,
как тебе не стыдно?!»

«Почему мне должно быть стыдно?» — он медленно
разворачивается и идет в ее сторону. На его каске цвета
хаки темнеет наклейка с буквой V.

«Своих предаешь! Давай еще с женщинами воюй! Где
Хабиров, почему он не с народом?! — у женщины
начинается истерика. — В своих же газом прыскаете! Иди
в Украину воюй! Почему наши сыновья погибают там,
а вы здесь против мирного народа выходите?! Рот закрой,
фашист! Хабиров деньги в карман положил тебе?! Почему
его здесь нет, почему?! Почему ты стоишь тут, а не он?!» —
под ее истошные крики он поворачивается спиной и молча
уходит.

Другая женщина рыдает и кричит на людей со щитами под
одобрительные возгласы толпы: «Вы не сможете вернуть
мне мужа! Зачем вы тут стоите? Твари! Вы не мужики! Как
мои дети страдают, когда-нибудь твои будут так же! Когда
вас посадят, ваши жены будут так же рыдать!»

По ее словам, мужа мобилизовали в сентябре 2022 года,
с тех пор они не виделись. Семья воспитывает троих

детей, у мужчины был insult, после которого он заикается, но его все равно забрали. «Суки, когда-нибудь бог накажет вас! — она продолжает иступленно кричать. — Идите в Украину, чтобы было честно: война так война. Или верните мне моего мужа, пожалуйста! Я буду до конца за него бороться. До Путина дойду, до Хабирова, мне без разницы. Зачем вы тут?!» — она стонет и утирает крупные слезы.

Спецназовцы молча смотрят на нее поверх щитов.

В декабре журналисты Idel.Реалии [рассказывали](#), что Башкортостан стал лидером по количеству погибших на войне в своем округе — 1242 человека. Отмечали, что в список попали только те, чью смерть признала российская сторона, родственники погибших или учебные заведения и другие общественные организации. То есть настоящее число погибших может быть больше.

«ДЕСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ»

К двум часам дня силовые структуры по-прежнему пытаются освободить территорию, но у них ничего не получается. Алсынов все еще должен быть в здании суда. Из связи в городе стабильно работает только домашний Wi-Fi, и люди, узнав информацию от знакомых, передают друг другу вести о блокировке протестных телеграм-каналов и СМИ, например издания RusNews, которое освещает протест. В поисках интернета мы обращаемся за помощью к местным и нас везут в дом к Мерхабе.

Мерхаба — радушная женщина лет восьмидесяти. Говорит, что сама только-только вернулась от здания суда. Она ставит на стол цветочный и липовый мед, варенье в пиалах с узбекским орнаментом, домашние пельмени с горячим бульоном — «грейтесь, девочки», — домашнее масло и корот — кислое тюркское блюдо, похожее на сухой творог. Она наливает в блюдечки горячий чай с молоком.

«Каждый день плачем, жалко его, — говорит она о Фаиле, утирая слезы. — Это же нечестно. Мы ведь знаем перевод и прекрасно понимаем, что такое „кара халык“. Несправедливо. У меня даже глаза опухают».

Мерхаба все принимает близко к сердцу. Дети ее разъехались: сын работает в Москве, дочь — в Уфе. Они, по ее словам, тоже поддерживают Фаиля, но им она сказала, что сегодня никуда не пошла, а то они переживают. «Мы понимаем, что он невиновен, он против власти ничего не говорил. Призывал, чтобы народ не пил, опомнился, чтобы свою природу охранял. За народ болеет. Он же от души говорит!» — возмущается женщина.

Когда мы возвращаемся к суду спустя полчаса, в толпе и протестных чатах распространяются слухи о пересмотре приговора. Один мужчина приближается вплотную к спецназовцам и говорит: «Вы бы бросили шлемы, щиты и ушли». «Вы за это деньги получаете, а мне за это деньги не платят», — говорит другой.

Еще один мужчина беседует с росгвардейцем и объясняет, отходя: «Это мой сосед. Хороший парень, я его знаю. Морду бить мне не будет. У него должность такая: он работает в полиции и вынужден там быть».

Примерно к трем часам дня замкомандира отряда ОМОН «Урал» Назим Гаязов (его личность **установило** «Агентство») вступает в переговоры с митингующими и предлагает разойтись в обмен на освобождение задержанных.

Люди стоят на улице уже несколько часов. Хозяева одного из ближайших домов зовут собравшихся греться, и они заходят внутрь, сменяя друг друга. В доме большая печь, люди прикладывают к ней руки, чтобы согреться. Один мужчина ставит у печки стул и опирается на нее голыми ступнями. В соседней комнате играют дети. Женщины разливают чай с молоком, раздают печенье.

«У народа уже гнев кипит! Зачем ОМОН? Мы бы сами все решили! — решительно говорит женщина. — Мы своего батыра не отдадим. Пусть Хабиров забирает отсюда свою мафию».

Около печки сидит женщина в темном платке и потертой шубке. Она говорит с кем-то по телефону — на башкирском, разбираю только имя «Фаиль», фамилии «Хабиров» и «Путин». Женщину зовут Зиля Фаритьяновна.

«Я места себе не находила позавчера, когда был суд, поэтому сегодня вышла из дома и на попутке доехала, — говорит она. — Я землячка Фаиля, его учительница. Фаиль воспитывался в многодетной семье, у него самого четверо детей. Я преподавала историю и культуру Башкортостана. Наверное, моя заслуга в его патриотизме тоже есть. После присоединения к русскому государству в XVI веке много трагических событий перенес наш народ, я не могла об этом без слез рассказывать. Башкиры боролись за свое освобождение и свои земли, много было восстаний против колонизации. Никто так не боролся, как мы и индейцы в Америке. Но сейчас об этом почти не говорят — в 2005 году я ушла на пенсию, примерно тогда же мой предмет преподавать перестали».

Около пяти вечера отец Фаиля Алсынова в очередной раз просит толпу уходить. На этот раз люди сдаются и постепенно расходятся. Фаиля увозят в автозаке.

Вскоре станет известно, что арестовали шестерых задержанных во время протеста: Денису Скворцову, Фанзилю Ахметшину, Юлаю Аралбаеву, Радмиру Мухаметшину и Дмитрию Петрову суд назначил 10 суток ареста. Ильнару Галину — 13 суток. Активистам вменили «нарушение установленного порядка организации либо проведения митинга» (ст. 20.2 КоАП). Следственный комитет **сообщает** о возбуждении уголовного дела о массовых беспорядках (ст. 212 УК) и применении насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК).

Вечером по местному телевидению «БСТ» показывают новостной сюжет под названием «Приговор экстремисту». Там говорят, что «враги России должны быть наказаны». Рассказывают, что активист сотрудничал с «зарубежными спецслужбами» и поддерживал ВСУ. Потом демонстрируют ролик «бойцов СВО», которые тоже называют Алсынова врагом России и считают, что участники «Башкорта» «поддерживают ВСУ и радуются гибели наших солдат».

На следующий день депутат Госдумы от «Единой России» Динар Гильмутдинов **заявит** о влиянии спецслужб Украины

и Балтии на события в Баймаке. Он скажет, что к протесту причастны «действующие с территории Украины и Прибалтики элементы» через «аффилированные телеграм-каналы и прочие каналы связи», что «деструктивные группы» провели акцию против главы Башкортостана Радия Хабирова, потому что он «один из самых сильных и эффективных» губернаторов из команды Путина.

«Их главная задача — раскачать ситуацию внутри республики в непростое для страны время» — скажет депутат.

Марина-Майя Говзман

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Протесты в поддержку башкирского активиста Фаиля Алсынова

5 100

Ещё почитать

23.12.2025 Башкортостан, Удмуртия

Пятерых фигурантов «баймакского дела»
приговорили к реальным срокам

10.06.2025 Башкортостан, Оренбургская область

Троим фигурантам «баймакского дела»
смягчили приговоры в апелляции

«Хотел намаз читать. Теперь читает его в СИЗО».
Репортаж о том, как «баймакское дело» и война
разрушают башкирские семьи

Корреспондентка ОВД-Инфо встретила с семьями
задержанных. Вот что они рассказали.

Защити себя сам

Если вас задержали на акции, то скоро вы близко познакомитесь с российской судебной системой. Ничего хорошего ждать не стоит: ваши шансы на оправдательное решение крайне малы....

Помогите добиться расследования убийства братьев Гасангусейновых

23 августа 2016 года 18-летнего Гасангусейна и 17-летнего Наби Гасангусейновых расстреляли недалеко

от села Гоор-Хиндах Республики Дагестан. Юноши, работавшие пастухами, возвращались на ужин, но домой...

Протесты против мобилизации: задержания, суды и давление

259 новостей и текстов по теме

Буква «Н» и другие картинки: как применяют статью о запрещенной символике

93 новостей и текстов по теме

